

А.С. МАДАТОВ

Пространственно-временные измерения демократии

Категории социального пространства и времени относятся к числу наименее разработанных в политической науке. Между тем совершенно очевидно, что вся социальная и политическая жизнь общества протекает в пространстве и времени. Нередко пространство и время применительно к реальности, в том числе и к реальности социально-политической, рассматриваются как рядоположенные, в отрыве друг от друга. Однако лишь выделение единого политического пространственно-временного измерения позволяет понять, во-первых, специфику исторических типов и форм демократии и, во-вторых, дать ответ на вопрос, почему в рамках одного и того же исторического времени те или иные формы демократии, успешно функционирующие в одних странах, оказываются неэффективными в других.

Сущность политического пространства невозможно уяснить без понимания таких более общих категорий, как "пространство" и "социальное пространство". В истории философии, как известно, при характеристике пространства выделяются два его аспекта: субстанциональный и реляционный. Первый из них, который на протяжении столетий господствовал в мировой философии, связан с трактовкой пространства лишь как сферы существования тех или иных объектов. Применительно к общественной жизни субстанциональный подход в социальной и политической философии ограничивал социальные пространства географическими границами того или иного государства с соответствующими ему природными и климатическими особенностями. Разработанная в XVIII веке теория географического детерминизма Ш. Монтескье, увязывающая характер форм политического правления и политических процессов с размерами государства и его природными и климатическими особенностями, долгие годы была одним из отправных пунктов в исследованиях многих политических мыслителей XVIII и XIX столетий. Не случайно один из классиков мировой политической науки А. де Токвиль свой фундаментальный труд "Демократия в Америке" начинает именно с описания географических особенностей Северной Америки, предваряя им детальный анализ американской демократии XIX века.

В XX столетии под влиянием в первую очередь теории относительности выявилась ограниченность чисто субстанционального подхода. В социальной жизни появилась практическая необходимость рассмотрения многоуровневости социального пространства, выявляя в нем наряду с географическим соответственно экономическое пространство, политическое пространство и культурное пространство. Выявление различных уровней социального пространства имеет важное значение для понимания демократии, в первую очередь для выяснения возможности возникновения в его рамках и функционирования демократических институтов.

Если с точки зрения субстанционального подхода политическое пространство определяет последнее как относительно устойчивую сферу, в которой функционируют

М а д а т о в Александр Сергеевич - кандидат философских наук, доцент кафедры политических наук Российского университета Дружбы народов.

политические системы и протекают политические процессы, то реляционный подход, включая субстанциональные характеристики, во-первых, указывает относительную протяженность социальных связей и отношений, и, во-вторых, как уже говорилось, позволяет выявлять различные уровни социального пространства как в их взаимосвязи, так и с учетом их относительной самостоятельности.

Политическое пространство, как и пространство физическое, также имеет три измерения. В этой связи представляют интерес рассуждения А. Венгерова, который выделяет следующие политические измерения пространства: "...во-первых, как предпосылки политической организации, во-вторых, как цели политических процессов (геополитика) и, наконец, в-третьих, как условия формирования и осуществления политических решений или, что то же самое, как среды протекания политических процессов" [1, с. 51]. Пространство как предпосылка включает в первую очередь территориальные размеры государства. Здесь тем не менее важно и "расположение государства в исторически сложившихся цивилизационных координатах и, конечно, его ландшафтные, в том числе почвенные, климатические особенности" [1, с. 51]. Второе измерение - пространство как цель - связано с геополитическими интересами государства, их постоянного обеспечения и защиты. И, наконец, третья ипостась - пространство как политическая среда - обозначить свою политическую систему, ее элементы и т.д. В нашем случае для анализа проблем демократии непосредственное значение имеют первое и третье измерения политического пространства.

Политическое время - это мера интенсивности политического процесса, которая "измеряется частотой событий в единицу физического времени, может ускоряться или замедляться в зависимости от своей событийной насыщенности" [2]. Политическое время, таким образом, протекает в рамках физического времени, хотя и далеко не всегда совпадает с последним.

Демократия как форма правления возникает и функционирует в рамках определенного географического и социального пространства на определенном историческом отрезке времени. Не случайно первые исторические формы протодемократии первобытных обществ (выборы племенных вождей, советов старейшин и т.д.) существовали в рамках узких локальных границ. Аналогично и в эпоху античности древнегреческая демократия была ограничена лишь небольшими городами-государствами и просуществовала свыше трех столетий, пережив стадии становления, кульминационного расцвета и упадка. Уже здесь проявились пространственно-временные границы этого первого исторического типа демократии.

Еще в политической философии Нового времени, исходя из практики античной и средневековой демократии, а также практики ранних буржуазных революций, многие политические мыслители XVII-XVIII веков увязывали возможность демократической формы правления с географическими границами государства. Так Ж.-Ж. Руссо писал: "Если в различных государствах количество высших чиновников должно находиться в обратном отношении к количеству граждан, то отсюда следует, что, говоря вообще, демократическое правительство свойственно небольшим государствам, аристократическое — средним, а монархическое - большим" [3]. Данный вывод, основанный на реальности того времени, был, однако, опровергнут последующей практикой американской буржуазной революции. Последняя показала возможность успешного (при всей условности данного эпитета) функционирования демократического строя и в рамках крупных политико-географических образований, какими являются Соединенные Штаты Америки.

Пространственное измерение демократии включает наряду с природно-географическими условиями и размерами территории и совокупность социально-экономических отношений, а также уровень и характер культуры общества, представляя собой соответственно экономическое и культурное пространство. Этим во многом объясняется тот факт, что те или иные демократические институты и нормы, успешно функционирующие в одних обществах, зачастую на практике оказываются неприемлемыми для других государств. В данной связи А. Тойнби, касаясь попыток демок-

ратизации африканских стран в начале 60-х годов, т.е. в первые годы после завоевания независимости, писал, что "в политической структуре современной Африки можно выделить три ключевых элемента: разлагающаяся местная традиция; колониальное междоусобице, в котором с трудом опознаются искусственно созданные политические единицы; экзотический налет западной культуры... *Все это показывает, каких трудностей следует ожидать, когда отдельный культурный элемент внедряется в чужеродную среду.* Между отвлеченным идеалом демократического правления и действительностью, не готовой к демократии, лежит труднопреодолимая и весьма опасная пропасть. Западный культурный элемент обесмысливается и утрачивает свою ценность в отрыве *от родного культурного окружения*" [4] (курсив мой. -А.М.).

Данное положение, касающееся частного исторического примера, является подтверждением важности учета не только собственно географического, но и других аспектов, граней социального пространства. Одновременно с этим немаловажную роль играет временной фактор. Ведь социально-экономическая среда, в отличие от географической, не представляет собой некую раз и навсегда установленную данность, а находится в состоянии постоянного изменения, протекающего с большей или меньшей интенсивностью. И если на одном историческом отрезке времени социальное пространство или его отдельные части являются неадекватными процессу демократизации, то на другой временной стадии общественно-исторического развития, в зависимости от устойчивости или, наоборот, степени размывания "родного культурного окружения", положение может измениться.

Пространственные измерения демократии затрагивают такую важную проблему демократического процесса, как *степень демократического развития на общенациональном и локальном или местном уровнях*, а также их соотношение. В процессе исторического развития общества, укрупнения территориально-государственных образований, становления и развития крупных национальных государств важность данной проблемы возрастала. Если в рамках небольших (по крайней мере по современным меркам) городах-государствах Древней Греции и в средневековых городских коммунах эти два уровня демократии совпадали в пространстве и времени, то в более поздние периоды наблюдается необходимость их выделения и относительного разграничения.

Уже на ранних этапах буржуазной революции сложившиеся в период феодализма институты общинной демократии, связанные главным образом с выборностью представительных органов власти на местах, участием населения ряда городов в обсуждении насущных проблем и принятии соответствующих решений, явились важной предпосылкой становления буржуазной демократии. Тем не менее "островки демократии" эпохи феодализма (на наш взгляд, именно в этом смысле можно говорить о феодальной демократии) - городские коммуны, вечевые собрания, собрания цеховых мастеров, крестьянские сходы, сословные представительные институты феодальной знати (сословная демократия) - все они существовали и функционировали в локализованных пространственных границах независимо друг от друга даже в рамках одного государства.

Ярким примером развития от демократии малых пространств (общинной демократии) до общенациональных масштабов является политическая история Соединенных Штатов Америки. Еще в первые десятилетия XVII века, т.е. в период колонизации Нового Света, в Северных районах его территории стали формироваться городские собрания, которые путем прямого и всеобщего обсуждения решали все текущие хозяйственные проблемы, а также вопросы, связанные с регулированием отношений между самими колонистами. Токвиль, анализируя процесс становления американской демократии, писал: "К 1650 году в Новой Англии община полностью и окончательно утвердилась. Община была тем местом, которое объединяло и крепко связывало людей и где они могли проявить свои интересы и пристрастия, осуществить свои права и выполнить обязанности. Внутри общины кипела истинная и активная политическая жизнь, вполне демократическая и республиканская по своей сути. Колонии пока еще продолжали признавать верховную власть метрополии, штаты по-прежнему

управлялись по законам монархии, однако республика уже полнокровно развивалась в рамках общины" [5, с. 5]. Впоследствии опыт обсуждения и принятия решений в условиях прямой демократии был распространен и на институты представительной демократии в штатах, в после войны за независимость и образования Соединенных Штатов Америки был использован и при составлении и принятии американской конституции. "Сила городских собраний, - писал в этой связи американский политолог Д. Мэтьюз, - стала силой Конституции Соединенных Штатов... Городские собрания позволили получить национальную Конституцию, отличавшуюся от всех прочих демократических конституций тем, что она была создана в процессе обсуждения и, когда в добавление к ней был принят "Билль о правах", защитила сам институт обсуждений, подтвердив право народа собираться и открыто высказывать свое мнение" [6].

Пример политической истории США - наглядная иллюстрация развития демократии сразу - от малого локального пространства до установления демократических институтов в общенациональном масштабе. Однако данный вариант развития не типичен для истории западной либеральной демократии. В подавляющем большинстве случаев процесс их становления происходил сверху и касался демократической системы в масштабах нации-государства, зачастую не затрагивая процесс демократизации на местах. Поэтому вплоть до настоящего времени даже в рамках одного государства можно наблюдать пространственно-временное несоответствие процесса демократизации и функционирования демократических институтов в общенациональных масштабах на общенациональном и локальном уровне. Причем это несоответствие может проявляться как в ущерб демократии на местах при функционировании (нередко формальном) демократических институтов в общенациональном масштабе, так и наоборот - в сторону преобладания демократии (или ее элементов) на местном уровне по сравнению с общенациональным.

Так, датский политолог Г. Соренсен, сравнивая политические системы Индии (одной из немногих стран третьего мира, отличающейся демократической системой правления) и Китая - государства с авторитарным (со многими элементами тоталитаризма) политическим режимом, констатирует, что несмотря на демократический характер индийской политической системы в целом, на местном уровне именно в Китае преобладают демократические элементы управления. Можно спорить по поводу критериев, которые выдвигает Соренсен для обоснования своего вывода применительно к Китаю (изучение центральными властями местных нужд и потребностей, тайное голосование по выборам в представительные органы власти на местах, участие военных в общественных делах под руководством гражданских органов власти и т.д.), однако нельзя не согласиться с общим выводом Соренсена о том, что "национальный каркас демократии не гарантирует наличие реальной демократии на местном уровне, а авторитарное правление в общенациональном масштабе не является таким уж препятствием для развития демократии на местном уровне. Однако можно ожидать, что в будущем эти различия будут не так ярко выражены. В отдаленной перспективе демократии на общенациональном и местном уровне будут подкреплять друг друга. Однако в ближайший период разрыв между ними будет сохраняться. Поэтому очень важно их учитывать при всесторонней оценке демократии" [7].

Политическое время применительно к анализу демократии включает периоды:

- становление демократического строя и формирование демократических институтов в результате кризиса и поражения тиранических, деспотических, абсолютистских, авторитарных и тоталитарных режимов, т.е. период, связанный с процессом демократизации;
- относительно стабильное функционирование демократического режима;
- период кризиса демократического режима;
- выход из политического кризиса и сохранение демократического строя в результате относительно мирного разрешения политических конфликтов и частично (в той или иной степени в зависимости от конкретных условий) реформирование демократического режима;

— упадок демократии и смена ее различными формами тирании или деспотии (на примере истории Древней Греции или Древнего Рима), а применительно к реалиям XX века - в результате кризиса демократического режима - поражение последнего, сопровождающееся переходом к различным формам тоталитаризма и авторитаризма.

Таким образом, политическое время демократии в отличие от физического времени, не носит однолинейный характер, а представляет собой, скорее, циклический процесс. Причем эти циклы далеко не всегда являются фатально неизбежными. Появление каждого из них в рамках локальных пространственных границ, будь это древнегреческие города-государства или современные национальные государства, зависит от конкретных условий соответствующей страны, сложившейся в ней экономической ситуации, расстановки политических сил, уровня политической культуры и т.д.

Наряду с локальными пространственно-временными границами демократии существует также *общемировое пространство-время демократического процесса*, охватывающее период становления демократических форм правления и демократического строя в целом или же, наоборот, его кризиса и упадка в нескольких или во многих государствах в зависимости от характера исторической эпохи.

Здесь нельзя не вспомнить известное высказывание Токвиля, который, анализируя американскую демократию и подспудно представляя ее как в какой-то степени картину будущего развития Европы, предварил свое исследование следующим положением: "...мне представилось, что та самая демократия, которая господствовала в американском обществе, стремительно идет к власти в Европе... Мы живем в эпоху великой демократической революции. Все ее замечают, но далеко не все оценивают ее сходным образом. Одни считают ее модным новшеством и надеются ее остановить, тогда как другие полагают, что она неодолима, поскольку представляется им в виде непрерывного, самого древнего и постоянного из всех известных в истории процессов" [5, с. 27].

В современных условиях важное значение для исследования пространственно-временных измерений как в общемировом масштабе, так и в отдельных странах и регионах, имеют такие категории, как "демократизация" и "волны демократизации". В самом общем смысле *демократизация* означает *процесс политических и социальных изменений, направленных на установление и укрепление демократического строя*.

На различных стадиях общественно-исторического развития этот процесс всегда определялся конкретными историческими типами демократии. В городах-государствах Древней Греции демократические формы правления приходили на смену тираническим или олигархическим режимам, не меняя социально-экономической рабовладельческой формации. В условиях средневековья (если не считать дворянское сословное представительство) мы наблюдаем лишь появление или исчезновение отдельных островков демократии как результат борьбы между феодальной аристократией и третьим сословием. На поздних этапах феодализма процесс демократизации, как правило, проходил в противоборстве между зарождающейся буржуазией и обуржуазившимся дворянством, с одной стороны, и феодальной абсолютистской системой, с другой. Кульминацией этого процесса считается Великая французская революция.

Мерное качественное отличие буржуазной демократии связано с установлением демократических отношений в рамках национальных государств в отличие от городов-государств в античности и средневековых городских коммун. Не случайно поэтому известный американский политолог Р. Даль при анализе общемирового демократического процесса выделяет его первую трансформацию - становление демократических городов-государств и вторую трансформацию-становление наций-государств [8].

В начале 90-х годов в политическую науку вошло новое понятие - *волны демократизации*. Оно отображает межстрановое пространство-время демократического процесса. Важное значение в разработке теории волн демократического процесса и анализа его современной волны принадлежит директору американского института стратегических исследований Гарвардского университета С. Хантингтону, который и вышедшей в 1991 году монографии "Третья волна. Демократизация в конце XX века" дал

развернутую и целостную картину происходящих в современном мире изменений, проанализировав предпосылки, ход и перспективы перехода от тоталитаризма и авторитаризма к демократии. В данной работе Хантингтон дает следующее определение "демократической волны" (или "волны демократизации"): "Волна демократизации есть переход группы стран от недемократических режимов к демократическим, протекающий в определенный период времени и по численности существенно превосходящий те страны, в которых за этот же период времени развитие протекает в противоположном (т.е. антидемократическом. - *А.М.*) направлении" [9, p. 15]. Эта волна включает также либерализацию и частичную демократизацию политической системы.

Разумеется, история, а следовательно, и политическое время, - не прямолинейный одновекторный процесс. В процитированном определении Хантингтона указывается и на наличие в рамках демократической волны противоположных, т.е. антидемократических процессов. Речь, таким образом, идет о количественном преобладании демократических тенденций в рамках соответствующего отрезка времени, которые накладывают качественный отпечаток на характер последнего.

История знает и другие периоды, когда в большой группе стран преобладали противоположные тенденции, связанные с усилением антидемократических сил, поражением демократии и установлением авторитарных и тоталитарных режимов. Эти этапы в истории Хантингтон называет "попятной волной" (или "волной отката от демократизации" - "reverse wave").

На основе анализа исторического материала, связанного как со становлением демократических режимов, так и с их временным (хотя протяженность во времени могла быть довольно значительной) поражением. Хантингтон выделяет следующие волны демократизации [9, p. 16]:

- первая длительная волна демократизации (1828-1926);
- первая волна отката (1922-1942);
- вторая короткая волна демократизации (1943-1962);
- вторая волна отката (1958-1975);
- третья волна демократизации (1974). берущая начало с демократической революции в Португалии.

Несколько иную периодизацию волн демократического процесса дает американский политолог Ф. Шмиттер, который выделяет четыре периода глобальной демократизации:

- первая волна - период, условно берущий начало с революции 1948 года, после которой, однако, к 1852 году многие страны (в частности, Франция, Германия, Австро-Венгрия) вернулись к автократическим формам правления;
- вторая волна - после Первой мировой войны, когда в результате поражения Германии, а также распада Российской и Австро-Венгерской империй в Восточной и Центральной Европе появились новые государства, во многих из них первоначально установились демократические формы правления;
- третья волна - после Второй мировой войны;
- четвертая волна берет начало с военного переворота 1974 года в Португалии

[10].

Отличительная позитивная черта данной периодизации - выделение периода после Первой мировой войны в качестве отдельной волны демократизации. Однако при выделении первой волны демократического процесса автор по существу сужает ее пространственные и временные рамки, ограничиваясь лишь континентальной Европой. Показательно, что при временной характеристике современной волны демократизации оценки Хантингтона и Шмиттера совпадают. В дальнейшем мы будем руководствоваться хантингтоновской периодизацией.

Первая волна демократизации уходит своими корнями в американскую и французские революции, однако появление демократических, в современном понимании, политических институтов является феноменом XIX века. Условно процесс демократизации в рамках его первой волны отличается двумя признаками: 1) постепенное рас-

пространение избирательного права на подавляющее большинство взрослого населения с сокращением, а затем и упразднением имущественного ценза; 2) становление и развитие ответственных представительных институтов и подотчетных им исполнительных органов. Исходя из этих критериев, на рубеже XIX и XX веков переход к демократии был завершён в таких странах, как США, Великобритания, Франция, Швейцария, заморские британские доминионы (Австралия, Канада, Новая Зеландия) и ряде стран Северной Европы. Незадолго до Первой мировой войны демократические режимы были установлены в Италии и Аргентине, а в послевоенный период - в двух новых, получивших независимость государствах Европы - Исландии и Ирландии.

Первая волна отката от демократизации условно берет начало с 1922 года, т.е. похода Б. Муссолини на Рим с последующим захватом власти и установлением фашистской диктатуры. В течение этого же периода неустойчивые демократические институты в Польше, Литве, Латвии и Эстонии были ликвидированы в результате происшедших там военных переворотов. В 1926 году в Португалии в результате государственного переворота власть захватили военные и в стране установилась военная диктатура, просуществовавшая почти пять десятилетий. В Германии приход к власти Гитлера в 1933 году и установление фашистского режима ознаменовали поражение Веймарской демократической республики. Последовавший аншлюс Австрии сопровождался соответственно ликвидацией демократических структур и в этой стране. В Испании гражданская война 1936-1939 годов, завершившаяся установлением диктатуры генерала Франко, прервала кратковременный процесс демократизации, начавшийся и в ряде латиноамериканских стран, которые избрали до этого путь демократического развития (в Аргентине, Бразилии и Уругвае). К этому можно добавить, что из 17 стран, в которых между 1910 и 1931 годами установились демократические режимы, к концу 30-х годов лишь четыре государства сохранили демократические формы правления [9, с. 17]. Таким образом, 20-е и 30-е годы характеризуются преобладанием антидемократической тенденции. Ее особенностью является то, что наряду с традиционно авторитарными политическими системами появляется новый социально-политический феномен - тоталитаризм. Антидемократическая волна данного периода в той или иной степени отразилась также и на особенностях функционирования радиационных демократических режимов. В конечном итоге эта волна отката от демократизации явилась одним из главных источников второй мировой войны.

Вторая волна демократизации связана с разгромом фашистской Германии, милитаристской Японии и освобождением западными союзническими войсками оккупированных территорий. В результате были восстановлены демократические режимы во Франции, Голландии, Дании, Бельгии и других странах западной Европы. Присутствие оккупационных союзнических войск в Германии, Италии и Японии способствовало не только установлению и укреплению в этих странах демократических политических институтов, но сделало в них демократическое развитие необратимым. В это же время в ряде латиноамериканских стран, в частности в Аргентине, Бразилии, Венесуэле и Перу были проведены демократические выборы. Вторая волна демократизации совпала с начавшимся процессом деколонизации бывших колоний и полуколоний. За этот период были установлены демократические формы правления в таких странах, как Индия, Нигерия, Филиппины, Шри-Ланка и т.д.

Однако к началу 60-х годов вторая волна демократизации себя исчерпала. С этого времени берет начало вторая волна отката от демократизации. В 1967 году в Греции в результате военного переворота было прервано демократическое развитие и установилась военная диктатура "черных полковников". Кроме Греции вторая попятная волна охватила подавляющее большинство стран третьего мира, где в результате военных переворотов либо узурпации власти правящей элитой установились авторитарные режимы, многие из которых носили откровенно диктаторский или военно-диктаторский характер. Эффект от глобального отката от демократии в третьем мире был впечатляющим. Так, если в 1962 году правительства, сформированные в результате военных переворотов, существовали в 13 странах, то к 1975 году их уже насчи-

тывалось 38. Согласно другим подсчетам одна треть государств, в которых в 1958 году функционировали демократические режимы, к середине 70-х годов имела авторитарное правление [9, р. 21]. Показательно, что за этот же период наблюдаются многие кризисные процессы и в западной демократии. Поэтому не случайно, что во многих политологических и социологических исследованиях того времени не только преобладал тезис о неприменимости демократической модели к развивающимся странам, но и высказывались сомнения и пессимистические прогнозы по поводу жизнеспособности самой демократии.

Однако последующие два десятилетия стали наглядной исторической иллюстрацией противоположной тенденции, как бы опровергнув пессимистические сомнения по поводу успешного функционирования демократических институтов. В апреле 1974 года в Португалии силами демократически настроенных военных был осуществлен военный переворот, впоследствии поддержанный массовым общенародным движением, который положил конец многолетней диктатуре военного режима. Несколько месяцев спустя в Греции в результате глубокого политического кризиса военное правительство вынуждено было сложить с себя полномочия, и власть перешла в руки гражданских лиц из числа лидеров политических партий демократической ориентации. В ноябре 1975 года смерть Ф. Франко положила конец 36-летнему авторитарному правлению. В последующие полтора года король Испании Хуан Карлос и премьер-министр А. Суарес осуществили серию политических реформ (легализацию ранее запрещенных политических партий, резкое ограничение цензуры, реформу органов власти и т.д.), которые завершились парламентскими выборами. Принятая парламентом и одобренная на общенациональном референдуме в марте 1978 года новая конституция Испании по существу явилась полным разрывом с франкизмом.

Начавшись в странах Южной Европы, с конца 70-х и на протяжении 80-х годов волна демократизации перемещается в Латинскую Америку и Азию. В конце 80-х годов современная волна демократического процесса вступает в новую фазу, связанную с кризисом так называемого реального социализма и переходом к демократическому общественно-политическому строю.

Характерной чертой современной демократической волны по сравнению с предшествующими волнами демократического процесса является ее более глобальный характер, так как она охватывает практически все континенты. Причины расширяющейся глобализации мирового демократического процесса Хантингтон объясняет следующими факторами: 1) кризис легитимности авторитарных и тоталитарных систем; 2) беспрецедентный рост мировой экономики в 60-е годы, а также рост образования и увеличения городского среднего класса; 3) серьезные изменения в доктрине католической церкви в 60-е годы; 4) поворот политического курса ведущих мировых политических сил (США, СССР, Европейское сообщество); 5) демонстрационный эффект, усиленный новыми средствами международной коммуникации, а также первоначальным опытом перехода к демократии в рамках третьей волны, который играл стимулирующую роль и служил моделью для последующих усилий по изменению режима в других странах [9, р. 45, 46].

Пространственно-временной континуум процесса демократизации включает еще одну важную философско-методологическую проблему - соотношение *формационного и цивилизационного подходов при анализе демократии*. За последние годы различные аспекты этой проблемы довольно часто дискутировались в обществоведческой литературе. Не вдаваясь в детали этой многогранной проблемы, отметим, что в ходе преодоления отечественным обществоведением марксистско-ленинских вульгаризаторских стереотипов в ряде исследований наблюдается противоположная крайность - полное отрицание формационного подхода при анализе социальных процессов. Последнее, на наш взгляд, было бы очередным упрощением, напоминая попытку вместе с грязной водой выплеснуть и ребенка. Формационный анализ развития общества обладает как недостатками, так и определенными достоинствами. Научно уязвимые черты формационного подхода зачастую вытекают из гиперидеологизации и догматизации всей

марксистско-ленинской теории (в определенной степени отличающей ее от классического марксизма), экономическим детерминизмом при недооценке обратного воздействия политических и социокультурных факторов на экономические процессы, утопичностью марксистских прогнозов о будущей коммунистической формации, и, пожалуй, самое главное - гипертрофирование классового подхода, особенно при характеристике исторических типов демократии.

К числу достоинств формационного подхода можно отнести:

- отнение роли способа производства и его воздействия (как прямого, так и опосредованного) на социально-политические процессы;

— выделение на высоком уровне абстракции основных стадий исторического процесса (не считая, естественно, так называемую коммунистическую формацию), через которые прошли многие европейские народы, так как формационный подход был основан главным образом на изучении экономической и политической истории Европы и отчасти Северной Америки.

И если обратиться к истории демократии, то рабовладельческая демократия античности, феодальная демократия средневековья и, наконец, буржуазная демократия с учетом ее многовековой эволюции вполне вписываются в марксистскую формационную парадигму, хотя не ограничиваются ею.

Говоря о формационном подходе к проблемам демократии, необходимо вкратце остановиться на марксистском тезисе о социалистической демократии. Последнее связано с марксистскими рассуждениями о будущем коммунистическом обществе, олицетворяющем, по мнению классиков марксизма, высший тип демократии как власти народа. Впоследствии В. Лениным эта идея была доведена до крайности, связанной с противопоставлением буржуазной и так называемой пролетарской демократии, тождественной одновременно диктатуре пролетариата. После октябрьского переворота 1917 года тезис о "пролетарской демократии", впоследствии замененной термином "социалистическая демократия", явился идеологическим оправданием советского тоталитаризма. Последующий крах тоталитарных режимов в СССР и странах Восточной Европы и начавшиеся там процессы демократизации, протекающие параллельно со становлением рыночных отношений, показали во многом иллюзорный характер "социалистической демократии". Как справедливо указывает в этой связи английский исследователь Д. Битхэм, применительно к капитализму "могут быть как капиталистические демократии, так и капиталистические диктатуры. Что же касается социализма, то здесь существуют лишь социалистические диктатуры. С этой точки зрения четвертая разновидность - социалистическая демократия в конечном итоге представляет собой пустую категорию" [11].

Наряду с формационным подходом к проблеме демократии не менее, а в ряде случаев и более важное значение имеет цивилизационный подход, так как именно цивилизации, в отличие от общественной формации, более непосредственно связаны с пространственно-временными измерениями исторического процесса. В основных чертах под цивилизацией, как правило, понимают общность, которая определяется такими чертами объективного порядка, как совокупность элементов материальной культуры (включая сюда способ производства и различные формы хозяйствования), язык, история, обычаи, институты, а также субъективную самоидентификацию людей [12, с. 341. Так, по подсчетам А. Тойнби, история человечества знала 21 цивилизацию.

За последние годы в политической и философской науке большой интерес вызвала опубликованная в 1993 году статья Хантингтона "Столкновение цивилизаций", которая за короткий период была переведена на многие языки (в том числе и на русский) и вызвала оживленную дискуссию. В данной статье Хантингтон выделяет следующие цивилизации, существующие в современном мире: западную, конфуцианскую, японскую, исламскую, индуистскую, православно-славянскую, латиноамериканскую и африканскую [12, с. 133]. По мнению автора, после окончания холодной войны и ликвидации советского блока в обозримом будущем основные линии разлома в современном мире будут проходить между указанными выше цивилизациями.

В российской литературе уже достаточно дискутировались многие аспекты данной статьи, в том числе и на страницах журнала "Общественные науки и современность". Нам хотелось бы остановиться на проблемах цивилизационного пространственно-временного измерения демократии.

Применительно к рассматриваемой проблеме один из основных и самых сложных вопросов состоит в том, является ли демократия со всеми ее атрибутами исключительно продуктом западной цивилизации, или представляет собой универсальную общечеловеческую ценность?

"На поверхностном уровне, - пишет в этой связи Хантингтон, - многое из западной культуры действительно пропитало остальной мир. Но на глубинном уровне западные идеи и представления фундаментально отличаются от тех, которые присущи другим цивилизациям. В исламской, конфуцианской, индуистской, буддистской и православной культурах почти не находят отклика такие западные идеи, как индивидуализм, либерализм, конституционализм, права человека, равенство, свобода, верховенство закона, демократия, свободный рынок, отделение церкви от государства. Усилия Запада, направленные на пропаганду этих идей, зачастую вызывают враждебную реакцию против "империализма прав человека" и способствуют укреплению исконных ценностей собственной культуры" [12, с. 143].

Можно, на мой взгляд, согласиться с идеей автора об утопичности упований на создание в будущем некой единой общемировой цивилизации с преобладающими западными ценностями, в том числе и с единой, универсальной для всех стран и народов модели демократии, скроенной исключительно по западному образцу. Рациональным моментом в вышеприведенном высказывании является также то, что в нем схвачена идея несоответствия общемирового и локального пространственно-временного измерения процесса демократизации. Однако это несоответствие, которое коренится в сохраняющихся различиях между цивилизациями, рассматривается главным образом в статичном состоянии, исходя из сегодняшнего положения дел.

В ходе дискуссии по поводу статьи Хантингтона его оппонентами высказывались следующие возражения:

- культура Запада пронизала все цивилизации: например, возрастающее значение конфуцианства в Китае несравнимо с мощным влиянием, которое там имеет массовая западная культура;

- модернизация, как правило, означает вестернизацию. Что же касается фундаментализма и традиционализма, то их влияние поверхностно. В частности, "исламский фундаментализм" - свидетельство не столько возрождения ислама, сколько его паники и замешательства;

- повсеместно утверждаются демократические режимы - сейчас только 31% мирового народонаселения живет в условиях репрессивных режимов, и эта цифра - в основном за счет Китая;

- противопоставляемые Хантингтоном Западу иные цивилизации - страны, как правило, находящиеся в переходном состоянии;

- западные ценности не образуют сплошную ткань: некоторые из них хороши, другие - плохи. Но для того, чтобы это отчетливо понять, нужен взгляд извне западной цивилизации [12, с. 45].

Во всех вышеприведенных тезисах, за исключением последнего, также содержатся элементы односторонности и чрезмерно оптимистические оценки вестернизации незападных цивилизаций. Вместе с тем данные возражения Хантингтону, выдвинутые в ходе дискуссии, так же как и многие положения, содержащиеся в статье самого Хантингтона, имеют под собой определенную фактологическую базу. Поэтому реалистический взгляд требует более комплексного подхода.

С одной стороны, нельзя не видеть противоречивость процесса модернизации в незападных цивилизациях, трудности демократизации, сопротивление западному влиянию, рост антизападных настроений и т.д. Все эти факторы еще долгое время будут негативно влиять как на взаимоотношения Запада с остальным миром, так и на ход

модернизации, особенно модернизации политической. С другой стороны, нельзя не видеть и такие процессы, протекающие в разных странах с неодинаковой степенью интенсивности, как растущая тенденция к демократизации, возрастающая роль в политической жизни западных стран движений за права человека, формирование в рамках политической культуры стран, относящихся к западным цивилизациям, демократической (в той или иной степени западной) политической субкультуры, хотя удельный вес ее во многих государствах пока еще не велик.

Поэтому в перспективе, на наш взгляд, было бы более правомерно говорить не столько об устойчивом статичном состоянии западных цивилизаций, или наоборот, об их вестернизации, сколько о конвергенции ряда существенных ценностей западных и западной цивилизации. Об этой тенденции свидетельствует пример Японии, многих стран Латинской Америки, отчасти Индии и ряда государств Юго-Восточной Азии. Эта "конвергенция ценностей" включает в себя и постепенное утверждение демократических норм. В широком плане, таким образом, речь идет о достижении соответствия общемирового и локального пространственно-временного континуума демократии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Венгеров А. Политическое пространство и политическое время (Опыт структурирования понятий) // *Общественные науки и современность*. 1992. № 6.
2. Демидов А.И., Федосеев А.А. Основы политологии. М., 1995. С. 107.
3. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического права. М., 1938. С. 56, 57.
4. Тойнби А.Дж. Постигание истории. М., 1991. С. 580, 581.
5. Токвиль А. Демократия в Америке. М., 1992.
6. Мьямюз Д. Перспективы демократии. М., 1993. С. 15.
7. Sorensen G. Democracy and Democratization. Boulder, 1993, P. 23.
8. Dahl R. Democracy and its Critics. New Haven-London, 1989. P. 13, 14, 213-215.
9. Huntington S. The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. London, 1991.
10. Schmitter P.C Democratization, Waves of // *Encyclopedia of Democracy*. V. 2. New York, 1995. P. 346, 347.
11. Beethham D. Liberal Democracy and the Limits of Democratization // *Prospects for Democracy: North, South, East, West* / Ed. by D. Held. Stanford, 1993. P. 67.
12. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций // *Полис*. 1994. № 1.

© А. Мадатов, 1998